

Гаврилов Д.А.
(НИО «Северный Ветер», г.Москва)

К ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ ДРЕВНИХ СЛАВЯН И ИХ БЛИЖАЙШИХ СОСЕДЕЙ О МИРЕ ПРЕДКОВ И ЕГО ВЛАСТИТЕЛЕ

Текст опубликован:

Гаврилов Д.А. К представлениям древних славян и их ближайших соседей о мире предков и его властителя // Русская Традиция: почитание предков / ред.-сост. С.Ермаков. – М.: ООО Издательство «Ладога-100», 2007. – 216 с. С.81-110.

Когда я принёс требы и поставил перед портретом деда стакан с водкой, а сверху положил лопоту ржаного, в груди защемило, а клубок воспоминаний закрутился наперекор Времени... И тогда я ощутил, что не каждый из вас справится с Навью, если я буду считать читателя лишь единоверцем. Потому, кто верит в Родных богов, пусть сделает до прочтения всё, что должно, и простит меня за сухость изложения, а тот, кто еще не обратился к Русской Традиции, учтёт, что я говорил бы с ним иначе, себя не щадя.

* * *

Доподлинно известно, что индоевропейцы воспринимали Время, как некий повторяющийся процесс, подобный своего рода Кругу¹. Не случайно и происхождение русского слова «время» от санскритского *varṭ* («вращение»), а славянские «коло», «коловорот/хоровод» созвучны, например, с именем греческого бога времени – Хроном (Кроном).

Общей для традиционной культуры индоевропейцев была идея реинкарнации, возрождения, повторяющегося в новом качестве. Естественный, прямой ход Времени наблюдался на протяжении жизни человека – Молодость–Зрелость–Старость (сын–отец–дед, дочь–мать–баба). С точки зрения зрелого человека, его молодые годы остались в прошлом, а в будущем его ждала старость. Таким образом, всякий расцвет сил в настоящем обречён на угасание в грядущем. Однако древние не смотрели на жизнь столь мрачно, поскольку окружающая действительность, постоянная смена и повторяемость времени суток и времени года свидетельствовали в пользу такого же возобновления человеческой жизни, как и всего в природе.

Не различая смерть и рождение, язычество естественным образом уравнивало их, а круг Времени всегда был замкнут, за всякой смертью следовал новый виток – возрождение, реинкарнация.

Любопытно и ценно для нас свидетельство Гая Юлия Цезаря, который, к счастью, умел не только хорошо воевать, но и описывать виденное им. Вот что он сообщал о кельтах:

«VI.14. ... Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертии души: душа, по их учению, переходит по смерти одного тела в другое; они думают, что эта вера устраняет страх смерти и тем возбуждает храбрость. Кроме того, они много говорят свои молодым ученикам о светилах и их движении, о величии мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов.

VI.18. Галлы все считают себя потомками Дита и говорят, что таково учение друидов. По этой причине они исчисляют и определяют время не по дням, а по ночам: день рождения, начало месяца и года они исчисляют так, что сперва идёт ночь, за ней день...»²

¹ Это представление подробно разбирает А.Я. Гуревич в книге «Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства». (М.: Искусство, 1990, С.69–134).

² *Гай Юлий Цезарь. Галльская война / Записки Юлия Цезаря и его продолжателей: Т.1–2. – М.: РИА День, 1991.*

Надо сказать, что хтонический бог Дит был одновременно и богом смерти, и прародителем всего живого. Ведал он также и судьбами людей. Имени «Дит» созвучно «Дид – сравнительно малоизвестное славянское божество или эпитет какого-то бога. Имя встречается в припевах обрядовых песен: «Ой, Дид, ой, Ладо!» Упоминание «Дида» связано у славян с обращением к предкам. Слово «дид» или «дед» является обозначением старшего в роду, предком остальных представителей рода.

Германец Гельмолд свидетельствует о родовом культе западных славян – ран (ругов): *«Хотя ненависть к христианству и жар заблуждений были у ран сильнее, чем у других славян, однако они обладали и многими природными добрыми качествами. Ибо им свойственно, в полной мере гостеприимство, и родителям они оказывают должное почтение. Среди них нигде не найти ни одного нуждающегося или нищего потому, что тотчас же, как только кто-нибудь из них ослабеет из-за болезни или одряхлеет от возраста, его вверяют заботам кого-либо из наследников, чтобы тот со всей человечностью его поддерживал. Ибо гостеприимство и попечение о родителях занимают у славян первое место среди добродетелей. Что касается прочего, то земля ружанская богата плодами, рыбой и дикими зверями. Главный город этой земли называется Аркона...»³*

Известное русское слово «дитя» происходит от корня «дит». Это связанное с Подземным миром понятие можно считать архетипическим для славянской и большинства иных мифологических систем. Дитя – это пока ещё бесполое инкарнация покойного предка в новой жизни, новое его перерождение. Слово «дитя» исследователи рассматривают как символ, связанный с хтоническим миром и появлением Вселенной, что заставляет нас видеть в Дите-Диде древнее имя хозяина Подземного мира.. Деда и дети мыслились неподсудными людским законам, дети – только что пришли с неба, а деда «одной ногой на небе находятся», «что старый – то малый».

В октябре славяне отмечали праздник Осенних Дзядов (Дедов), балты отмечают до сих пор *Дни велей*. Во всех жилых и нежилых помещениях, а также в местах захоронений предкам в такие дни приносили угощения, как будто бы они являлись в мир живых. Примерно в это же время (с 12 октября по 1 ноября) кельты праздновали Samhain – момент времени, когда черта между Этим Светом и Тем Светом истончается, а люди, если принесут должные жертвы, могут обратиться к сидам (т.е. предкам) по Ту сторону .

Любое «вчера, прошлое, предки» становилось «сегодня, настоящим, зрелым родителем» и устремлялось в «завтра, грядущее, принадлежащее детям... но завтрашний день вдруг оказывался уже вчерашним, и всё повторялось. Лишь «мёртвым» и волхвам открывалась обратная, иная, скрытая, потусторонняя часть Времени и самого мироустройства.

Тот Свет в эллинской, наиболее известной читателю с детства языческой Традиции именовался Гадесом (Аидом). То же имя носил и его властитель.

В орфической Традиции Аид – *«не данный в ощущениях, невидимый, незримый»⁴*. Согласно орфическому гимну «Плутону», он – *«хтонический Зевс»*, т.е. неявленная третья ипостась Зевса:

*Дух, обитающий в доме подземном, таинственный мрачный
луг Тартарийский, покрытый густой, непроглядною тенью,
скипетродержец, хтонический Зевс, о, прими благосклонно
жертвы священные, благочестивые почести наши.
Ключник пречистый, Плутон богатей, подземелья властитель,
Что ежегодно с плодами достатка является к смертным;
Ты – и обитель бессмертных богов, и опора для смертных,
Трон утвердивший под мрачной страной, уходящей в глубины.*

³ Гельмолд. О Световите, идоле ружан // Гельмолд. Славянская Хроника: пер. Л. В. Разумовского. – М., 1963.

⁴ Герменевмы/ Орфей. Языческие таинства. Мистерии восхождения. – М., 2001. – С. 272.

*Неугомонный, Аид бездыханный, чьи действия слепы.*⁵

О нём там же сказано: «*Был ты третейский судья громогласных и скрытых деяний*».

В других вариантах перевода можно найти более точные описания функций этого великого бога: «*Плутон, земными ключами всеми ты обладаешь*»; «*Отец единый дел непроявленных; проявлений – Судья святейший и вседержитель блестящеславный*».⁶ Не случайно, видимо, Вергилий именуется Плутона *immitis tyganni*, т.е. безжалостным тираном, ведь в царстве Аида терпят наказание многие, преступившие законы богов.⁷

«(5) *Об Аиде говорят, будто он обучил, как совершать погребение, похоронные обряды и воздавать почести покойным, поскольку до него об этом совершенно не заботились. Вот почему считают, что этот бог – владыка мёртвых, получивший с древних времён власть и заботу о них*»⁸;

«*...Обитель Аида, где только тени умерших людей, сознания лишённые, реют*»⁹;

«*...Умершие смертные память теряют в Аиде*»¹⁰.

Однако если тень (душа) напьётся жертвенной крови, то вместе с этой жизненной влагой к ней возвращается и прежняя прижизненная память.

Вот какое указание получает Одиссей, когда ему становится необходимо соприкоснуться с миром мёртвых:

*...Выкопай яму, чтоб в локоть была шириной и длиной,
И на краю её всем мертвецам соверши возлиянье –
Раньше медовым напитком, потом вином медосладким
И напоследок – водой. И ячной посыпь всё мукою.
Главам бессильным умерших мольбу принеси с обещаньем,
В дом свой вернувшись, корову бесплодную, лучшую в стаде,
В жертву принести им и много в костёр драгоценностей бросить.
Старцу ж Тиресию – в жертву принести одному лишь, отдельно,
Чёрного сплошь, наиболее прекрасного в стаде барана.
Славное племя умерших молитвой почтивши, овцу ты
Чёрную вместе с бараном над ямою в жертву зарежь им...»¹¹*

По представлениям всех индоевропейцев, после смерти человек попадал в Тот (или Иной) мир. В зависимости от степени готовности души к посмертному пути, а также от той работы, что проделал человек при жизни, языческая душа из Срединного мира нисходила в Нижний мир (Яма, Кошное царство, Хель, Аид).

Она также могла воплотиться в звере – тотемном предке и пастись под присмотром властителя Дикой Природы и короля Леса.

Душа также возносилась в Вышний мир, закончив цикл перерождений (Сварга, Ирий, Вальхалла, Олимп). У греков последнего удостаивались очень немногие, и даже самых великих героев и мудрецов ждал, как мы уже видели, безрадостный Аид – мрачное царство теней, доставшейся при разделе мира собственно богу Аиду, брату Зевса.¹²

У германцев в палаты Одина и чертоги Фрейи попадали герои и их женщины, причём мужская половина душ отходила к Вальфэдру и составляла его небесную дружину, а воинственные жены их приходили к Фрейе. Умершие от старости, болезни и самоубий-

⁵ Орфический гимн. Плутону / *Орфей*. Языческие таинства... (пер. И. Евсы) С.178–179.

⁶ Орфический гимн. Плутону / Книга Орфея. – М., 2001 (пер. Н. Павлиновой). С. 52–53.

⁷ *Вергилий*. Георгики, IV, 492.

⁸ *Диодор Сицилийский*. Греческая мифология (Историческая Библиотека), V.69.5.

⁹ *Гомер*. Одиссея, XI, 475.

¹⁰ *Гомер*. Илиада, XXII, 389.

¹¹ *Гомер*. Одиссея, X, 517-527.

¹² Второму брату Зевса – досталась Земля, а значит и Понт, Посейдон – колебатель Земли. Зевс властвует на светлом Олимпе на небесах. Акцентирую внимание читателя на триаде Понт-Олимп-Аид (Посейдон-Зевс-Аид).

цы отправлялись в Хель, и надо полагать, что среди них были души как великих скальдов, годи, эрилей, так и самые последние карлы и бонды. Не избежал участи оказаться в Хель даже сын Одина – Бальдр, убитый дротиком омелы... Ему ещё предстоит возродиться согласно «Предсказанию вельвы».

Если полагать славянский Ирий (вырий) местом обиталища душ (без необходимости перерождения) после смерти, то наиболее близкий аналог этому у скандинавов – это чертоги Гимле. Согласно «Младшей Эдде», *и все люди достойные и праведные будут жить с ним (Всеотцом, т.е. Одином) в месте, что зовётся Гимле или Вингольв. А дурные люди пойдут в Хель, а оттуда в Нифльхель»; «Есть среди обилищ много хороших и много дурных. Лучшие всего жить в Гимле, на небесах. Добрые напитки доставнутся и тем, кто вкушает блаженство в чертоге по прозванию Бримир. Он стоит на Окольнире. Прекрасный чертог стоит и на горах Ущербной Луны, он сделан из красного золота, и зовут его Синдри. В этом чертоге будут жить хорошие, праведные люди».*

У балтов существовала воображаемая Мировая гора, или «крутая каменная гора», на которую по их поверьям, человеку уже мёртвому предстоит взбираться, направляясь к своим предкам. На этой горе, согласно белорусско-литовским летописцам, навъев ждёт Единый бог Диевас, который судит их по делам прижизненным:

*«О великом князе Скирмонте (1250–1270-гг). Великий князь Скирмонт зостал по отцы своем на Великом князьстве Литовском и Жомоитском, и Руском. И подлуг отца своего приказаню на том месцы, на усти реки Вилни, где у Велю упадывает, вчинил жглищю, и там же тело отца своего сожог, и коня его, на котором ездывал, и шату его, которую ношивал, и хорта его зъжог. И от тых часов прозвано Швинтрогоро и на имя того великого князя. И коли которого великого князя литовского албо пана сожжжоню тело, тогда при них кладывали когти рыси або медвежи для того, иж веру тую мели, иж судныи \л.48.\ день мел быти, и так знаменали себе, иж бы бог мел приити и седети на горе високои и судити живым и мертвым, на которую будет гору трудно възити без тых ногтеи рысих або медвежих, и для того тыи ногти подле тых кладывали, на которых мели на тую гору лезти и на суд до бога ити. А так, ачколвек поганыи были, а възиж потом себе знаменали и в бога одного вериля, иж судныи день мел быти, и верили з мертвых востаню и одного бога, которыи мает судити живым и мертвым».*¹³

«О великом князи Скирмонте. Великий Скирмонт князь зоста по отцы своем на Великом княжестве Литовском и Жомотском, и Руском. И подлуг отца сво\л.30.\его приказаня на том местцы, на устыи реки Вилни, где в Велю впадывает, учинил жглищю, и там же тело сожог отца своего, и коня его, на котором он ездывал, и шату его, которую ношивал, и милостника его, до которо^М ж он был ласков, и сокола его, и хорта зжог, и от тых часов великий князь литовский и бояре тела их там жсигали, и для того тое местцо от тых часов прозвано Швинторога, на имя того великого князя.

*И коли котораго великаго князя или пана сожжжено тело, тогда при них кладывали ногти рыси или медвежи для того, иж веру тую имели, \л.30об.\ иж судныи день имел быти, и так знаменали себе, иж бы бог имел приити и седети на горе високой и судити живым и мертвым, на которую ж будет гору трудно възити без тых ногтеи рысых або медвежих, и для того тыи ногти подле их кладывали, на которых имели на тую гору лезти, на суд до бога ити. А так, ачколвек поганы были, а възды ж потом себе знаменали и в бога одного верили, иж судныи день имел быти, и верили из мертвых востаню и одного бога, которыи мает приити судити живым и мертвым...»*¹⁴

«Умершим нужно было иметь крепкие ногти на руках или карабкаться с помощью когтей животных, – поясняет Мария Гимбутас, знаменитый литовский этнограф. – На этой “крутой горе“ проживает *Dievas* и собираются умершие... Кроме того, из мифоло-

¹³ Літопіс Археологічного Товариства.

¹⁴ Рум’янцевский літопіс(ец).

гических песен становится ясно, что целью является не "гора" (образ неба), но то место, которое находится за горой. Дорога к этому таинственному месту оказывалась долгой. Умершие могли скакать на лошадях по небу, подниматься вместе с дымом от огня или лететь как птицы по Млечному Пути, который на литовском языке означает "путь птиц", или отправиться на лодке по "пути солнца", плывя ночью по водам, перемещаясь на восток по морю, по рекам Даугаве или Неман. Там, где спит Солнце, где оно купает своих лошадей, появлялись Диевас и другие боги грома, луны и божество моря. И где-то далеко, в том отдаленном месте находились серый камень и солнечное дерево или железный столб, а около столба – две лошади».¹⁵

Перед нами представление о Космическом дереве балтов, небесной оси. Явные переключки находим в греко-римской, славянской и немецкой мифологиях. Подчас, имея сведения о мифологии ближайших соседей русских и славян, мы можем восстановить традиционные представления на этот счёт и собственных предков.

«В фольклоре обычно встречается дуб или береза с серебряными листьями, медными ветками и железными корнями. Иногда появляется огромная липа или яблоня. Они стоят на камне, в конце "пути солнца". Солнце вешает свой пояс на ветки, спит в кроне дерева, и, когда встает утром, дерево окрашивается в красный цвет. "За горой, там, где солнце, живёт моя матушка", – говорится в литовской песне. Путь умершего в обитель богов – это путешествие к краю видимого мира. Также говорят: "Он находится в обители вечности". Литовское слово *dausos* сохраняет значение таинственного обиталища и не может быть переведено словами "рай" или "небеса". Уход тени умершего не означает, что нарушается его связь с живыми. Его животворящая сила, аналогичная древнегреческой *pneuma* или римской *anima*, не покидает землю. Она возрождается в деревьях, цветах, животных, птицах. Душа могла покинуть тело вместе с выдохом, при испарениях и тотчас найти приют в растениях, животных или птицах. Иногда она могла выпорхнуть прямо изо рта в форме бабочки, пчелы, мыши, жабы, змеи или вырасти изо рта юной девушки в форме лилии. Чаще всего реинкарнация по вере балтов происходила в виде дерева: духи мужчин поселялись в дубах, березах и ясенях, женщин – в липе и ели. У балтийских народов сложились невероятно доверительные отношения со всеми названными деревьями. Дуб и липа стали главными деревьями, упоминаемыми в фольклоре. Когда рождался человек, ему посвящалось определённое дерево, выроставшее под действием тех же процессов, что и его человеческий двойник. Если дерево срубали, человек умирал. Росшие на старых литовских кладбищах деревья никогда не рубили, поскольку в пословице говорилось, что если срубить дерево с могилы, то можно нанести вред усопшему. Поэтому и на кладбище не следовало косить траву. В пословице говорилось: "Из погребальной травы течет наша кровь". Кроме растений, души умерших чаще всего поселялись в птицах, женские – в кукушке или утке, мужские – в соколе, голубе, вороне или петухе. Происходила также реинкарнация в волков, медведей, собак, лошадей и котов».¹⁶

С высокой долей вероятности можно говорить, что похожие представления имелись и у древних русичей.

У кельтов некоторым трёхчленному делению Вселенной являются Круги: Абред («где всё порождено смертью») – Гвинвид («там, где жизнь сильнее смерти») – Аннун («где нет ни смерти, ни жизни»).

Аннун в смысловом переводе означает «Не-мир» или «Иной мир». И хотя говорить о географии Нижнего и Верхнего мира бессмысленно, ибо каждый видит при Переходе то, что может увидеть только он, Аннун представлялся древним, как страна, расположенная под землёй, в холме (сид¹⁷) или за морем.

¹⁵ Гимбутас Мария. Балты. Люди янтарного берега / пер. с англ. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – С. 198.

¹⁶ Там же, С.199.

¹⁷ «Иной мир, или сид» / Кристиан-Ж.Гюйонварх, Франсуаза Леру. Кельтская цивилизация. – М.-СПб., 2001.

Это представление сближает Аннун с навьим миром славян, куда надо плыть через море либо спускаться сквозь некую дыру. О способах достижения Аида у греков были приблизительно такие же представления. Однако у кельтов Аннун – это совершенная страна, страна магов, полная волшебства, священный, сокрытый мир, правит которым король-охотник типа нашего Волха. Кельты звали его Гвин ап Нудом или Финном, считая поэтом и пророком, а также Манауиданом (Мананнаном), схожим со славянским Велесом. Достоверно об этой стране известно лишь то, что всякий, кто сумел вернуться из Аннуна, несёт на себе его печать всю оставшуюся жизнь, то есть бегство не проходит безнаказанным. Но и всё, что живо, рождается именно в Аннуне. Как гласит отрывок из знаменитых «Триад Бардов»: *«Рождение в Аннуне, рост в Абреде и полнота в поднебесье Гвинвид, ничто и никто не существует вне этих Трёх, кроме самого Бога»*.¹⁸

Было бы удивительным, если бы у русских (и славян) не существовало какого-то аналога скандинавской и кельтской трёхуровневым Вселенным.

Вышнее место обители славянских богов и предков, что за циклы перерождений достигли предела, на наш взгляд, именовалось Сваргой.

Срединный мир в русских сказках называется Белым Светом, его дарит людям Белобог-Свентовит. Порою предполагают, что именно его – Свет-Рода – воплощает знаменитый Збручский кумир. Кумир этот одновременно есть вертикальная ось трёх уровней Мира, подобная скандинавскому Иггдрасилю и индуистскому Линге.

Третий, самый нижний уровень славянского мироздания есть безрадостное, словно Аид, Пекельное или Кошное царство, сходное с Хель. Оно в свою очередь троично: здесь есть медное, серебряное и золотое царства. Свентовита как бога правильного и явленного может отражать лишь верхняя, четырёхликая часть, знаменитого кумира, а сам Свентовит есть Белобог. Нижний ярус кумира занимает трёхликое изображение, предположительно, Чернобога или Велеса.

У славян душа отправлялась воссоединиться с предками и богами – либо в Кошное царство, либо в небесный Ирий (в таком случае Ирий соответствует Гимле, а Асгард – Сварге), т.е. либо в Навь¹⁹, либо в Правь, проходя посмертный суд у Чёрного бога, известного как Велес, Нуа или Вий.

В Кошное царство душа славянина попадала в клюве у ворона, что выклевывал глаза – зеркало души. В Ирий – на крыльях ласточки. До сих пор у русских сохранилось суеверное представление, что птица, залетевшая в дом – к смерти. Были и ещё некоторые иные способы путешествия души.

С погребального костра души воинов возносились в светлый Ирий Огнебогом. Нижний же мир, связанный со стихией дикой природы, воды и земли, возвращал себе души посредством Зверя. Медведь, угрызший тела подвешенных на дереве, мог быть одним из таких проводников души в навий мир. Погребальной ладьей или на санях тела умерших, а равно и их души, также препровождались к Велесу.

Путь души в Аид проходил на лодке старого неумолимого Харона, да и Один, как я напомним, порою выступал навьим Лодочником.

¹⁸ Barddas. Ed. by D.J. Roderic. London, 1862.

¹⁹ Навь, в самом общем смысле – Мир мёртвых. Однако автор употребляет это понятие вот в каком смысле. Это фундаментальная тенденция обратить явный мир в неявный, т.е. в неразличимый мир фантазии и идеи, скрыть до поры до времени то, что пока не должно быть раскрыто по замыслу Единого. Это стремление Вселенной сохраниться и одновременно стремление Вселенной и Человека взаимно познать друг друга за счет самопогружения. Это все консервативные процессы, в том числе и память. Это тяга к прошлому, но в то же время это – процесс подготовки мёртвой материи к новому рождению и обращение живой материи в мёртвую. Это все Силы, умиротворяющие природу. Встреча с Навью всегда есть проверка культурного героя на Силу и проверка обоснованности его претензий на что-то сверх обычного. Навь – это стихия бога-трикстера, практика получения Силы через разрушение (поиск Силы внутри себя). Например, Один сам ранит себя копьём и подвешивает вниз головой – на девять дней без пищи и воды в ветвях Мирового древа – ради знания, Шива-Махаयोगина сам погружает себя в тысячелетнюю медитацию...

*«Сигмунд встал на ноги, и была скорбь его почти как смерть. И взял труп в объятья и пошёл в лес и вышел на берег фьорда. Там увидел он человека на челне малом. Человек спросил, не хочет ли Сигмунд, чтоб он перевёз его через фьорд. Тот согласился. Челнок был так мал, что всех не мог свезти. Погрузили сперва труп, а Сигмунд пошёл по берегу фьорда. И тут же исчез челнок из глаз Сигмунда, а с ним и человек тот».*²⁰

В русской народной сказке о купце Марко-богатом показывается тот же образ старца, Дида-перевозчика в Мир Иной через реку Смородину или море Дон.

Путь души героя в Вальгаллу лежал по радужному мосту, лишённые телесной оболочки, невесомые, души возносились лихими валькириями. Мост этот сторожил от непрошенного посетителя белый ас Хеймдалль.

С погребального костра колесница Афины (Ириды) и Гермеса вознесла Геракла на светлый Олимп.

В Ирии славянин мог встретить предков, уклад жизни Ирия представлялся приблизительно таким же, как и в Срединном мире, только количество дичи и хлябей было неисчислимо, так что не надо было прилагать особых усилий для добычи пропитания. Кошный же мир представлялся бесцветным и более скудным, чем Земной – то в виде поля, на котором Великий Водчий, как пастырь, пас души, то в виде огороженного места за тыном, украшенным мёртвыми головами.

Связи между мирами воплощало Мировое древо. Указания на Мировое древо славян имеются непосредственно в «Слове о полку Игореве»:

«Тогда вьступи Игорь князь в злат стремь и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; ноць, стонуци ему грозою, птичь убуди; свист зверин вьста; збися Див, кличет верху древа – велит послушати земли незнаеме, Волзе, и Поморию, и Посулюю, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, тьмутораканьский болван! А половци неготовами дорогами побегоша к Дону великому; крычат телегы полуноцы, рци лебеди роспужени...»

«Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслю по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы...»

«О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа полкы ущекотал, скача, славлю, по мыслену древу, летая умом под облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища в тропу Трояню чрес поля на горы! Пети было песнь Игореву, того внуку: «Не буря соколы занесе чрес поля широкая, галици стады бежать к Дону великому». Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче: «Комони ржуть за Сулою, звенить слава в Києве. Трубы трубятъ в Новеграде, стоять стязи в Путивле».

Выученик в традиции волхва, служителя Велеса, Боян, подобно сибирскому шаману, был способен силой мысли (воображения) проникать в невиданное и неизвестное смертными, вступать в разговор со своим первопредком, Велесом.

В мифологии соседей славян древних балтов – имя этой Силы различно: Виелона, Велнс или Велс, что, собственно, и означает «чёрт», «дьявол» – это постоянный противник Громовержца и властитель Мира мёртвых, пастырь душ. У тех же балтов «Velu mate» – мать мира мёртвых, а «veles» – души умерших²¹.

У литовцев существовал особый праздничный ритуал, посвященный богу Виелоне. Он заключался в том, что для праздничного пира закалывали свинью и приглашали Виелону вместе с мёртвыми принять участие в этом пире. У литовцев в день поминовения усопших («время Велса») был обычай сжигать кости животных.²² Несомненно, это говорит о том, что балтийский Велс, как и славянский Велес, обладал функциями властителя загробного мира. Кстати, и слово «власть» Топоровым соотносится с именем Велеса. Великость и власть – Велес – он велий есть.

²⁰ «Сага о Волсунгах», X.

²¹ Топоров В.Н. Боги // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого. – М., 1995. – Т.1. – С.210. См. также: Гаврилов Д. От Порядка – к Гармонии, от Закона – к Воле // Гаврилов Д.А. Ёлкин С.В. Протоязык и традиционализм. Пути реконструкции. – М.: МГИФИ, 1997. – С.70-76.

²² Мифы народов мира: Энциклопедия. – Т.1. – М., 1994. С.228–229.

«Великий, церк. велий, превышающий обычную меру, сравнительно с другими обширный, большой; о человеке славный великими, знаменитыми подвигами; но, в сокращенном виде, иногда относится и к росту... Велес м. ряз. (велец. велеть, великий) укорно, повелитель, распорядитель, указчик. Велибный, кур. высокий и сухопарый. Велебный». (Толковый словарь В.И. Даля)

В реконструкции змеборческого мифа В.Н. Топорова и В.В. Иванова Велес является противником Перуна, крадущим у Громовика скот, но, как известно, приблизительно этим занимался Гермес, воровавший коров у солнечного Аполлона.

Исследователь Александр Иштуин в работе «Восточнославянские боги и их имена» отмечает: «В балтийской традиции существуют особые приметы и поверья о т.н. "мёртвой кости": латыш. *vela kauls*, литов. *navikaulis*, ср. рус. навья косточка, хетт. *uallas hastai*; само название и ритуальное использование этой кости связывают божество мёртвых, покойника и скот. Велсу был посвящён месяц октябрь – *Walla – Man e s*. Ср. белорусский обычай осенью приглашать дедов, т.е. предков, к столу. Именно от имени литовского бога Велса-Виелоны идёт балтийское имя чёрта Велняс (литов. *vel n i a s , v e l i n a s*, лат. *velns*). Несмотря на негативную оценку данного «демонического» персонажа, он связан с музыкой, танцами и даже наделён мудростью, а также снабжён атрибутами скота (рогами и копытами). Налицо все функции древнего божества, хотя и с негативной оценкой.

Слово *vele* по-литовски значит "душа", но прямо связано с богом скота. Подтверждение той же ассоциативно-мифологической связи души и животного мира мы находим в западноевропейских языках (лат. *anima* «душа» и *animalis* «животное»).

Это противостояние солярному или громовому божеству, и близость к миру мёртвых, Иному Свету, даёт право предположить, что Велес и у славян выполнял приблизительно те же функции.²³

Почему-то обычно умалчивается тот неоспоримый факт, что среди балтских мифов, дошедших до нас, особое место занимает не столько миф о противоборстве хтонического властителя мёртвых и скота, сколько цикл дуалистических литовских преданий о Диевасе и Велсе (Велнясе). Он связан и со славянскими богумильскими ересями средневековья, а с другой стороны – с дуализмом угро-самодийских народов. В них Велс (по-славянски, т.е. Велес) выступает как один из творцов мира, соперник культурного героя и Белого бога Диеваса²⁴, по сути как Трикстер и Чернобог. Велняс – литовский Велс. Велняс широко распространён в фольклоре и народном декоративно-прикладном искусстве. Он рогат, иногда имеет копыта, связан с водой, глаз его – «окно в болоте». Велняс обладает мудростью, строит мосты, покровительствует музыке и танцам. Вместе с тем в сказках он часто попадает в просак.

Вот пересказ этого основополагающего мифа, запечатлённого в фольклоре прибалтов, из диссертации кандидата культурологии Алексея Фанталова «Культура варварской Европы: типология мифологических образов»:

Творение мира

Вначале была безграничная пустота, в которой летали Диевас и Велняс. Далеко внизу крутились пылевые вихри. По велению Диеваса Велняс принёс ему этот сор. Однако часть земли недоверчивый дух спрятал во рту, решив, что бог хочет что-то «во благо себе учинить». Диевас же рассеял всё по небосводу и сказал: «Пусть растёт и зеленеет». И внизу образовалась красивая зеленая земля с цветами и деревьями. Стало и во рту у Велняса что-то разрастаться, раздулись его щеки как горы. Вырвались наружу глыбы земли и повалились на ровную гладь нового мира. Так поя-

²³ ...и провести параллель между Велесом и Гермесом (как олимпийцем, так и Хтонием, а также и отцом звероподобного Пана).

²⁴ У пруссов это Окопирмс, т.е. «самый первый». У западных славян – Свентовит, или Белбог.

вились горы.

Со злости Велняс стал топтать грибы-дождевики, которыми была усеяна вся земля. Стали они твердыми. Так появились камни.

Диевас и Велняс – земледельцы и скотоводы

Поделили мир Диевас и Велняс. У обоих были славные луга. У Велняса была коса, а у Диеваса долото. Решил бог травы накосить. Взял он незаметно косу у Велняса. Удивился тот – ему думалось, что Диевас может траву долотом косить. Схватил тогда Велняс долото и давай по траве махать. А оно все в деревья вонзается. Раньше деревья были без веток, а от ударов начали у них ветви расти.

Имелось у Велняса маленькое стадо чёрных коров, а за пастуха был дятел. Вот раз дятел уснул, а скотина зашла на поле Диеваса. Приладил тогда бог к порогу хлева косу и перегнал туда всех коров. Коровы вбегая в хлев, копыта себе о косу разрезали. Диевас покрасил коров в разные цвета. Пришли Велняс с дятлом своих коров требовать, да не смогли узнать. Так ни с чем и вернулись. А дятел до сих пор коров ищет.

Создание различных зверей и человека

Чтобы заселить землю бог сотворил множество зверей. В их числе была красивая собачка, она всегда за Диевасом бегала. Позавидовал Велняс и сделал такую же себе из глины, только больше и страшнее. Стал жизнь в неё вдвухать – с утра до вечера дул, все без толку. Пошёл к Диевасу совета просить. Тот и научил – подойди, мол, к собачке и скажи: «Вставай, волк, кусай Велняса!» Велняс подумал: «А зачем мне так говорить. Я лучше скажу: «Не кусай Велняса». Так и крикнул своей глиняной собачке, да та не шелохнется. Ладно, присел для надежности за ивовый куст и крикнул оттуда: «Вставай волк, кусай Велняса!» Только произнёс это, как из глиняной собачки выскочил волк и кинулся на него. Насилу Велняс унял зверя. Звери, созданные Диевасом, спустя какое-то время стали друг друга ненавидеть и даже терзать. Желая, чтобы они жили в мире, бог придумал для них работу – рыть Даугаву. Всем нашлось дело: заяц измерял длину реки, лиса отмечала границу хвостом, крот и барсук землю рыли, волк с собакой её откидывали, медведь землю таскал и холмы вдоль берегов насыпал. Только иволга уклонилась от работы. За это Диевас прибавил к её наряду чёрный цвет и запретил пить воду из рек, повелев довольствоваться одной лишь росой.

Затем бог встал у вырытого русла, взял свой золотой ковш, влил в Даугаву воду и указал рукой, в какую сторону ей течь.

Как-то сделал Диевас на свекольной гряде похужее на человека создание, с одним глазом, одним ухом, одной рукой и ногой, сказав: «Видеть благое, благое слышать, творить благое и благими путями ходить». Велняс не хотел отстать и когда бог отлучился, приделал второй глаз, второе ухо, вторую руку и ногу сказав: «Видеть дурное, слышать дурное, творить дурное и дурными путями ходить». Вернулся Диевас и вдохнул в своё творение жизнь. Так появился на свет человек и потому он не во всём хорош, но и не во всём плох.

Прусским аналогом Велса/Велняса, добавляет А.Фанталов, был Патолс/Пеколс. Он входил в триаду богов, наиболее почитаемую в Ромово (Ромуве). По сообщениям средневековых источников, святилище выглядело следующим образом: посреди просторной равнины стоял огромный дуб. В нём находились три ниши, в которых содержались изваяния древних пруссов. То были Перкунас, Потримпс и Патолс. Статуя Перкунаса имела вьющуюся чёрную бороду, огненно-красный лик и такого же цвета снопы лучей вокруг головы. Перед ней пылал неугасимый костёр. Справа от Перкунаса стояло изваяние приветливого безбородого юноши в венке из колосьев – Потримпса, бога рек и источников, подателя плодородия и хорошего урожая. Главным символом его была

змея, обитавшая в глиняной урне, укрытой сеном. По левую сторону от Перкунаса находилась статуя Патолса – бога преисподней и ночных призраков, воплощения ужаса. Изображался он в виде бледнолицего, седобородого старика с белым платком на голове (вариант – в рогатом шлеме). Символами Патолса были три черепа – человека, коня и быка.

Имя властителя Иного (навъего) мира у славян варьируется в списках летописи и поучениях против язычества – Велес, Волос, Власе, Власий, Влас – «скотий бог», «скотий», т.е. «дикий, лютый, звериный».

Есть любопытное предположение, что в том числе у северно-германского Вотана – скандинавского Одина, возможно было, более архаическое имя Вольс или Вельс, поскольку одного из его «родичей» – Беовульфа – называли «потомок Вольса/Вельса»²⁵ (вульф – волк, имя сказочного оборотня Волха-Волоха, умевшего превращаться в «рыс-кучего зверя», тоже созвучно неспроста). Волки и сопровождают Одина. Известны и жертвоприношения Вотану-Одину волков, которых вешали на столбах, именуемых «волчье дерево».²⁶

Велес подобен Пану, козлоподобному сыну Гермеса²⁷ – богу Дикой природы (*Mater Verborum*²⁸ – «*Veles: Velесъ – Pan, ymago hircina*»).

Как отметил А.Н. Афанасьев, в словацкой песне (колядке) слово «велес» прямо употребляется в значении «пастух»: «*Пасли овцы велесы при бетлемском салаше...*»²⁹

Вспомните звериные колядные маски... Мир Дикий, звериный не относится ни к миру людей, ни к жилищам Богов – это промежуточный Свет, самое место для богатристера, предводителя Дикой Охоты типа Одина. И Велес, конечно, пастырь (водчий душ на Елисейские поля), но пастырь дикий, потусторонний. Вероятно, такое представление о Велесе восходит к вере в то, что одна из душ человека после смерти воплощается в первопрядка-зверя.

Начальная летопись (например, Радзивиловский летописец) свидетельствует: «*Ц(а)рь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имъшея по дань, и роте заход(и)вше межъ собою: целовавшие кр(е)сть, а Олга водивше на роту и муж(и) ег(о) по рускому закону, кляшася оруж(и)емъ своим, и Перуном, б(о)гомъ своим, и Волосомъ, скот(ь)емъ б(о)гомъ. И утвердиша миръ*». Это отрывок из мирного договора Вещего Олега с греками. Теми же богами клянётся князь Святослав, скрепляя договоренности с византийским владыкой.

Есть основания полагать, что именно Велес и следит за исполнением законов и договоров, он – отец и рассудитель истины, подобный Гермесу и Одину (Перун же карает за нарушение клятв). «*Вторый (идол) Волосъ, бог скотий, бжше у них (язычников) во великой чести*» («Густинская летопись»)³⁰.

Упоминание Велеса в договоре рядом с Перуном – покровителем князя, не случайно и ничуть не противоречит основанной на балто-славянских параллелях гипотезе В.Н. Топорова о конфликте между Перуном и Велесом.

²⁵ Погдин А. Опыт языческой реставрации при Владимире // Труды русских ученых за границей. – Берлин, 1923. – Т.Н. – С. 151.

²⁶ Иванов Вяч. Вс. О последовательности животных в обрядовых фольклорных текстах // Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д.К.Зеленина). – Л., 1979. – С. 154 и примеч. 15.

²⁷ «Гермес вместе с Гекатой множит скотину» (*Гесиод*. Теогония. 445).

²⁸ Чешскія глоссы въ Матер Верборум...

²⁹ Афанасьев А.Н. Рецензия на кн. История России с древнейших времён. Соч. С.Соловьёва. Т.1. М., 1851 // Современник. Т.35. 1852. №10. Отд.3. С.25.

³⁰ Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2: Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. – Харьков, 1916.

Меркурия германцы также призывали в паре с воинственным Марсом³¹ – богом воинского искусства. И священная пара – мудрый и хитроумный, не совсем положительный в христианском смысле этого слова Меркурий, и сильный, весьма прямолинейный бог войны – отнюдь не случайна. Описывая войну двух германских племен, Тацит сообщает, что «обе стороны заранее посвятили, если они победят, Марсу и Меркурию войско противника, а по этому обету подлежат истреблению у побеждённых кони, люди и всё живое»³². Под именем Гермеса-Меркурия греки и римляне подразумевали германского бога Вотана – «Отца навших». Меркурий ведёт души умерших на Тот Свет.

Вероятно, Велес, как и Гермес, и податель богатства (через скот, основное богатство кочевых племен – «бог скотов» («О идолах Владимировых»)), а позднее и просто бог наживы и достатка.

Конечно же, несмотря на явные атрибуты черноты, Велес, как Один, Меркурий и Гермес – бог волшебства и магии, наук и мудрости, а кроме того и красноречия. В «Слове о Полку Игореве» находим «Чи ли воспети было, вещей Бояне, Велесовь внуче...». Таким образом, Боян – наследник и последователь Велеса в его искусстве вещать, говорить, договариваться.

Н.М. Карамзин пересказывает «для любопытных» «басни», в одной из которых находим: «Словено-Русские князья, обрадованные такою грамотою (от Александра Македонского), повесили оную в своём капище с правой стороны идола Велеса... Через несколько времени восстали от их рода два князя Лях (Мамох, Лалох) и Лахерн, воевали землю Греческую и ходили под самый царствующий град: там, близ моря, положил свою голову Князь Лахерн (где создан был после монастырь Влахернский...)» Взял он это, как представляется, или из «Древней Российской Вивлиофики» под ред. Н.Новикова (1791 г. издания), либо, что вернее, из Новгородского Хронографа 1680 г.³³, который опирается на литературные произведения ещё более ранние.

Оригинальную гипотезу высказал В.Н. Топоров, указывая на эту поэтическую функцию Велеса и этимологические данные: «*veleti как обозначение особого типа речевой деятельности при др.-ирл. File «поэт» *uel-, особенно при учёте мотива прижизненного нисхождения поэта (филида) в царство смерти»³⁴. К этому добавлю, что мыслью Боян растекается, возможно, по Мировому дереву, корни которого традиционно ведут в Нижний мир.

Чехи, даже приняв христианство, помнили Велеса, как одного из самых могущественных «демонов», приносили в жертву ему чёрных кур и голубей³⁵. В «Слове св. Григория» сказано о поклонении славян «скотною богу и попутникоу и лесну богу». Т.е., вероятно, Велесу – богу скотьюму, покровителю путешественников, богу лесов. Тут стоит отметить, что эпитет «скотий» означает ещё и «дикий», волохатость Велеса восходит к древнейшей охотничьей магии, оборотничеству, владению Дикой Природой. И некошенный клочок пшеницы – так называемая Николина или Велесова бородка, – оставаемый крестьянином на поле ещё в 19-ом веке, это языческая треба Велесу, который со стороны Леса пасет стада. Т.е. треба лесному хозяину – медведю, беру – лишь бы скот не воровал сам, а пас бы, охраняя от чуждого Леса (волков этого леса?).³⁶

Любопытный фрагмент, свидетельствующий об устойчивости Традиции в народе, находим у Епифания Премудрого в «Житии Сергия Радонежского», 1417-1418: «Некто-

³¹ Впрочем, толкование Перуна, как бога войны, чем грешат разные авторы, не вполне верно и однобоко. Подробнее см.: Гаврилов Д.А. НордХейм. Курс сравнительной мифологии (древних германцев и славян). – М., 2006.

³² Тацит. Анналы, XIII, 57.

³³ Сказания Новгорода Великого (IX-XIV вв.) под. ред. Ю.К.Бегунова. –СПб.: Политехника, 2004, СС.47-61.

³⁴ Топоров В.Н. Боги// Славянские древности... Т.1. СС.210-211.

³⁵ Ирасек А. Старинные чешские сказания, М. Л., 1952. С. 15.

³⁶ В Скандинавии уже в христианские времена – по сообщению Якоба Гримм в «Германской мифологии» – обращаясь к Одину с мольбой о хорошей жатве, жнецы становились вокруг посвященного ему участка, закручивали колосистый хлеб, орошали его пивом, и потом скинув шляпы и приподнявши вверх серпы, трижды возглашали громким голосом: «Воден, прими своему коню корм».

рые из них (зверей) стаями выли и с рёвом проходили, а другие не вместе, но по два или по три или один за другим мимо проходили; некоторые из них вдалеке стояли, а другие близко подходили к блаженному и окружали его, и даже обнюхивали его. Среди них один медведь имел обыкновение приходить к преподобному. Преподобный, видя, что не из злобы приходит к нему зверь, но чтобы взять из еды что-нибудь немного для пропитания себе, выносил зверю из хижинки своей маленький кусок хлеба и клал его или на пень, или на колоду, чтобы, когда придёт, как обычно, зверь, готовую себе нашёл пищу; и он брал её в пасть свою и уходил. Когда же не хватало хлеба и пришедший по обыкновению зверь не находил приготовленного для него привычного куска, тогда он долгое время не уходил. Но стоял медведь, озираясь туда и сюда, упорствуя, как некий жестокий заимодавец, желающий получить долг свой. Если же был у преподобного лишь один кусок хлеба, то и тогда он делил его на две части, чтобы одну часть себе оставить, а другую зверю этому отдать; не было ведь тогда в пустыни у Сергия разнообразной пищи, но только хлеб один и вода из источника, бывшего там, да и то понемногу. Часто и хлеба на день не было; и когда это случалось, тогда они оба оставались голодными, сам святой и зверь. Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого обмануть и без еды отпустить».

Медведь и козёл³⁷ (коза) – неперемные участники русских народных обрядовых шествий и праздников с переодеванием, то есть проникновением в мир Дикий, где властвует Велес, хозяин предков и их пастырь.

«Среди археологических находок пока отсутствуют зооморфные маски, которые изготавливали из нестойких материалов – шерсти, меха, тканей и т. п. Судя по этнографическим данным, в русских областях основными новогодними масками были маски коня и быка. Для белорусов и в меньшей мере для украинцев характерна маска козы. Общепространены «игры с медведем», главным участником которых выступал дрессированный медведь или ряженный в медвежью шкуру, вывороченный тулуп, гороховую солому («гороховый медведь»). Связь медвежьей потехи с аграрной магией отчетливо выступает в позднем скоморошестве и славянской праздничной обрядности. Вслед за ритуальным «убийством» медведя следовало его «воскрешение» при помощи «доктора», поводыря-цыгана или других персонажей. Как ни в чём не бывало, зверь вставал и начинал танцевать. В игре, символизировавшей триумф жизни над смертью, подчеркивались эротические мотивы (декламация непристойных стихов, вырезанный из дерева фаллос, носившийся ряжеными), которые отчетливо указывали на связь образа медведя с культами плодородия (конец его спячки знаменовал начало весны). Реликтом обрядовых действий являлись совместные спектакли медведя и «козы», которые дожили до начала XX в. В святочных маскарадах европейских народов ряжение медведем и козой связано с брачной и земледельческой символикой, с пожеланиями благополучия владельцу усадьбы. Скоморох с медведем и его помощник в вывернутой шубе и рогатой козьей маске, шелкавшей деревянной челюстью, – излюбленные персонажи старинного народного «театра» и русских лубочных картинок. «Коза» выкидывала замысловатые коленца под барабанную дробь и перестук деревянных ложек с бубенчиками на ручках».³⁸

Об особой роли Велеса свидетельствует отсутствие его столпа в пантеоне князя Владимира, столп Велеса стоял отдельно, не на холме, а на Подоле. Между тем и разделяются с Велесом в Киеве при Владимире Черноризцу Иакову (XI в), отправляя в загробный мир по реке, т.е. не уродуют, а хоронят старого бога. «А сам в Киев вшед, повеле испровреци и избита кумиры, овыи иссеци, а инья ижжеци; а Волоса идола, егоже именовашу скотья бога, веле в Почайну реку вьврещи...»³⁹ Этим, якобы, Влади-

³⁷ В ряде русских сказок на козле наездником сам чёрт.

³⁸ Даркевич В.П. Средневековые маскарады / Древности славян и Руси. – М.: Наука. 1988. С.217.

³⁹ Иаков-мних. Житие св. князя Владимира // Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. вторая. СС.530-533.

мир отправил Велеса, как потом в Новгороде и Перуна, в плавание в царство мёртвых. Упокоил, стало быть, двух самых известных русских богов.

Впрочем, в Ростове много позже каменный кумир Велесу рушат. В житие Авраамия Ростовского сказано: «*Чудский конец поклонялся идолу каменну, Велесу*». Обращаем внимание на сакральное местоположение кумира – Чудский конец. С Велесом сравнивается непосредственно бес, владеющий знанием о спрятанных кладах. И Авраамий, уничтоживший «*идолу камену*» Волоса в Ростове, «*едва не стал жертвой беса*», обернувшегося в свою противоположность – «*в образ воина, который возвел на него навет «царю» Владимиру*». Бес «*обвинил Авраамия в том, что тот занимается волхвовани-ем, что он утаил от князя найденный им в земле медный котел с деньгами*». Так Велес наказал жадного попа. Чертовщина, шутовство или бесовство с точки зрения христианской церкви приписывалось должно быть всем прежним языческим богам. «*Куда же древле погании жьряху бесом на горах, ныне же паки туды святые църкьви стоят*» – отмечал новгородский летописец.⁴⁰

Например, в апокрифе «*Хождение Богородицы по мукам*» говорится: язычники «*это те, которые богами называли; солнце и месяц, землю и воду, зверей и гадов, кто в жестокосердии своём дал богам имена, как людям, и те, которые почитали Утрия, Трояна, Хорса, Велеса, превратив бесов в богов. И в этих злых богов верили люди*».⁴¹ Дословно по другому списку: «*вероваша, юже ны бе тварь Бог на работоу створил, то то они все боги прозваша солнце и месяц землю и водоу, звери и гады, то сетнее и члвчь окамента оутрия трояна хрса велеса пероуна на Бogy обратиня бесом злым вероваша, доселе мракмь злым одержими соуть, того ради сде тако моучаться*».

В «Сказании о построении града Ярославля», источнике XVIII века, восходящем к древней записи, «которая хотя и подновлялась позднее, но, тем не менее, в достаточной степени отразила истинный ход событий», прямо говорится, что прежде скоморохов, именно волхвы были непосредственными жрецами «*скотьего бога*»: «*Сему же многоказненному идолу и керметь (капище) створена бысть и волхов вдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа и жертвенная ему кури*». Жрец гадал по дыму костра, и если гадал плохо, а огонь угасал, то жреца казнили. «*И люди эти клятвою у Волоса обещали князю жить в согласии и оброки давать ему, но только не хотели креститься... При засухе язычники молили слезно своего Волоса, чтобы низвёл дождь на землю... На месте, где некогда стоял Волос, тут и дудки, и гусли, и пение, раздававшееся много раз, и плясание некое было видимо. Скот же когда на этом месте ходил, необычной худобе и недугу подвергался... Говорили, что вся эта напасть была гневом Волоса, что он превратился в злого духа, дабы сокрушить людей, как сокрушили его и керметь*».⁴²

С большой долей вероятности можно говорить, что Велес – водчий и пастырь мёртвых предков, как и его балтские аналоги, как и св. Николай. Собственно и сам св. Николай по нашему мнению – имя Велеса в период двоеверия.⁴³

«*Бежит река огненная, чрез огненну реку калиновый мост, по тому калинову мосту идёт стар матёр человек; несет в руках золотое блюдечко, серебряно перышко... сбавляет с раба божьего семьдесят болезней*».⁴⁴

Заметим, что идёт он с той стороны по Калинову мосту, из Иного мира, через реку-то мёртвую – Смородину. Это Навий властитель идёт, Велий Дед!

И, как говорится, все при Нём будем.

⁴⁰ Первая новгородская летопись младшего извода. М., Л., 1950, С.103. Впрочем, патриарх Иов хвалил ещё царя Федора Ивановича за то, что он на севере России сокрушил идолов и «идежа быша ельнинская капища, тамо божественные церкви» (воздвигал) ПСРЛ. СПб. 1910 Е. 14. СС.9-10.

⁴¹ Подразумевается, что были и добрые боги? Обращаем внимание на множественное число – «злых богов».

⁴² Краеведческие записки. Ярославль. 1962 г. Вып. 4. С. 90-93.

⁴³ Аналоги Велеса в постязыческом эпосе. Велес как Мороз и св. Никола/ Гаврилов Д.А., Наговицын А.Е. Боги славян. Язычество. Традиция. –М.: Рефл-Бук, 2002. СС. 275-279.

⁴⁴ Там же, С. 295.